

ОГЛАВЛЕНИЕ

Книга первая БЕДНОСТЬ

Глава I. Солнце и тень.	3
Глава II. Попутчики	20
Глава III. Дома	36
Глава IV. Миссис Флинтуинч видит сон	52
Глава V. Семейные дела	56
Глава VI. Отец Маршалси.	70
Глава VII. Дитя Маршалси.	83
Глава VIII. Под замком.	96
Глава IX. Маленькая мама	109
Глава X. О науке управлений	126
Глава XI. Выпущен на волю	151
Глава XII. Подворье «Разбитые сердца»	163
Глава XIII. Семейство патриарха	173
Глава XIV. Общество Крошки Доррит.	201
Глава XV. Миссис Флинтуинч снова видит сон	215
Глава XVI. Ничья слабость.	225
Глава XVII. Ничей соперник	242
Глава XVIII. Обождатель Крошки Доррит.	254
Глава XIX. Поучения Отца Маршалси	266
Глава XX. В свете	280
Глава XXI. Недуг мистера Мердля	298
Глава XXII. Загадка	308
Глава XXIII. Машина в ходу.	320
Глава XXIV. Предсказание судьбы	341
Глава XXV. Заговорщики и другие люди	360
Глава XXVI. Ничье состояние духа	373
Глава XXVII. Двадцать пять	389

Глава XXVIII. Исчезновение	403
Глава XXIX. Миссис Флинтуинч продолжает видеть сны	412
Глава XXX. Слово джентльмена	422
Глава XXXI. Благородная гордость	443
Глава XXXII. Опять предсказание будущего	463
Глава XXXIII. Болезнь миссис Мердль	474
Глава XXXIV. Полипняк	488
Глава XXXV. Что скрывалось на руке Крошки Доррит	500
Глава XXXVI. Маршалси — сирота	516

Книга вторая
БОГАТСТВО

Глава I. Попутчики	526
Глава II. Миссис Дженераль	546
Глава III. На дороге	551
Глава IV. Письмо Крошки Доррит	571
Глава V. Где-то что-то не клеится	576
Глава VI. Что-то где-то наладилось	596
Глава VII. Главным образом о персиках и призмах	615
Глава VIII. Вдовствующая миссис Гоуэн приходит к убеждению, что эти людишки ей не компания	630
Глава IX. Появление и исчезновение	645
Глава X. Сны миссис Флинтуинч запутываются	664
Глава XI. Письмо Крошки Доррит	674
Глава XII. Важное патриотическое совещание	681
Глава XIII. Эпидемия распространяется	701
Глава XIV. Совещание	720
Глава XV. Нет никаких препятствий к браку	734
Глава XVI. Успехи	755
Глава XVII. Исчез	764
Глава XVIII. Воздушный замок	778
Глава XIX. Крушение воздушного замка	787
Глава XX. Служит введением к следующей	807
Глава XXI. История самоистязания	819
Глава XXII. Кто проходит здесь так поздно?	830

Глава XXIII. Миссис Эффри дает условное обещание относительно своих снов	839
Глава XXIV. Вечер долгого дня	855
Глава XXV. Главный дворецкий слагает знаки своего достоинства	868
Глава XXVI. Следы урагана	879
Глава XXVII. Питомец Маршалси	890
Глава XXVIII. Враги в Маршалси	908
Глава XXIX. Друзья в Маршалси	931
Глава XXX. К развязке	942
Глава XXXI. Развязка	972
Глава XXXII. Скоро конец	982
Глава XXXIII. Близок конец!	992
Глава XXXIV. Конец	1005

Книга первая

БЕДНОСТЬ

Глава I

СОЛНЦЕ И ТЕНЬ

Однажды, лет тридцать назад, Марсель дремал под жгучими лучами солнца.

Жгучее солнце в жаркий августовский день было в те времена в южной Франции явлением столь же обыкновенным, как раньше или позднее. Всё в Марселе и вокруг этого города блестело под раскаленным ярким небом. Путешественник доходил до одурения при виде блестящих белых домов, блестящих белых стен, блестящих белых улиц, блестящих колея дороги, блестящих холмов с выжженной травой. Не блестели и не сверкали только виноградные лозы, сгибавшиеся под тяжестью гроздьев. Они трепетали, когда раскаленный воздух шевелил их поникшие листья.

Ветерок не рябил мутной воды гавани и прекрасного моря, расстилавшегося за ней. Линия, разделяющая два цвета, черный и голубой, указывала границу, за которую не переступало чистое море; оно покоилось так же неподвижно, как и отвратительная лужа гавани, никогда не смешиваясь с последней. Лодки без тентов обжигали руку; краска на кораблях, стоявших в гавани, вздувалась пузырями; раскаленные камни мостовой в течение многих месяцев не охлаждались даже ночью. Индусы, русские, китайцы, испанцы, португальцы, англичане, французы, генуэзцы, неаполитанцы, венецианцы, греки, турки, потомки всех племен — строителей Вавилонской баш-

4 ни*, явившиеся в Марсель по торговым делам, искали тени, старались укрыться куда-нибудь от голубого моря, резавшего глаза ослепительным блеском, и багряного неба, в котором сверкал огромный огненный алмаз. Глаза болели от нестерпимого блеска. Только обращаясь к далекому итальянскому берегу, они отдыхали на легком тумане, медленно поднимавшемся с моря, но больше им негде было отдохнуть. Пыльные дороги, убегая вдаль, блестели на склонах холмов, блестели в лощинах, блестели на бесконечной равнине. Пыльные виноградные лозы, обвивавшие стены домиков, и чахлые деревья вдоль дороги изнемогали в блеске земли и неба. Изнемогали лошади, тащившиеся внутрь страны, лениво позвякивая колокольчиками; изнемогали кучера, изредка пробуждавшиеся от дремоты; изнемогали усталые работники на полях. Все живое и растущее, кроме ящериц, быстро шмыгавших среди камней, и цикады, выводившей свою сухую трескучую песню, было подавлено блеском. Сама пыль побурела от жары, и в воздухе что-то дрожало, словно и он мучился от зноя.

Шторы, ставни, занавеси были спущены и закрыты, чтобы избавиться от блеска. Он врывался, подобно раскаленной стреле, во всякую щель или замочную скважину. Всего труднее ему было пробраться в церковь. Но, выйдя из полумрака колонн и арок, где лениво мерцали лампы и лениво двигались причудливые тени набожно дремавших, плевавших и молившихся стариков, вы окунались в огненную

---

* По библейской легенде, огромная башня, которую хотели построить потомки сыновей Ноя, чтобы достигнуть неба; Бог наказал строителей башни тем, что смешал их языки. Они перестали понимать друг друга, и усилия их не увенчались успехом. Легенда, рассказанная в Библии, отражает реакционное религиозное представление о происхождении языков. — *Здесь и далее примеч. пер.*

реку и выбивались из сил, стараясь добраться до 5
ближайшей тени.

В таком-то виде Марсель жарился однажды на солнце, между тем как истомленные жители прятались в тени, и тишина нарушалась только слабым жужжанием голосов или лаем собак, случайным звоном нестройных колоколов или треском испорченных барабанов.

В то время была в Марселе омерзительная тюрьма. В одной из ее камер — помещении до того гнусном, что даже назойливый свет, заглянув в него, тотчас отшатывался назад, — находились два человека. Кроме них тут была старая изрезанная скамья, прикрепленная к стене, с грубо вырезанной на ней шахматной доской, шашки, сделанные из старых пуговиц и костей, домино, два матраца и две-три бутылки из-под вина. Вот и все, что было в комнате, не считая крыс и других невидимых гадин в дополнение к двум видимым людям.

Комната слабо освещалась сквозь железную решетку, вделанную в большое окно, выходившее на лестницу, откуда можно было наблюдать за узниками. Окно образовало широкий каменный выступ фута в три или четыре высоты. На этом выступе помещался в настоящую минуту один из заключенных, полусидя, полулежа, подняв колени и упираясь ногами и плечами в противоположные стены оконной ниши. Клетки железной решетки были настолько широки, что он просунул в одну из них локоть и таким образом устроился очень удобно.

На всем лежал отпечаток тюрьмы. Тюремный воздух, тюремный свет, тюремная сырость, тюремные обитатели — все носило на себе следы заключения. Люди — чахлые и бледные, железо — ржавое, камень — липкий, дерево — гнилое, воздух — душливый, свет — тусклый. Подобно колодцу, подобно склепу, подобно могиле темница не знает о блеске, царящем снаружи; она сохранила бы свою спертую атмосферу даже среди благоуханий на островах Индийского океана.

6 Человек, лежавший на окне, вздрогнул от холода. Нетерпеливым движением он запахнул плотнее пальто и проворчал:

— Черт бы побрал это проклятое солнце: никогда не заглянет сюда!

Он ожидал обеда, поглядывая за решетку с выражением голодного зверя. Но глаза его, слишком близко расположенные друг от друга, отнюдь не имели такого благородного выражения, которое присуще царю зверей: они были скорее пронзительны, чем блестящи, — острые иглы со слишком малой поверхностью, чтобы хорошенько рассмотреть их. Выражение их оставалось почти неуловимым, они только искрились и моргали. Любой часовщик изготовил бы лучшую пару даже не для собственного употребления. Орлиный нос, довольно красивой формы, начинался слишком высоко между глазами — вероятно, настолько же выше обыкновенного уровня, насколько глаза помещались ближе друг к другу, чем у всех людей. Что касается остального, то это был человек высокого роста, плотный, с тонкими губами, которые резко выделялись из-под больших усов, и с жесткими всклокоченными волосами неопределенного цвета с легким рыжим отливом. Рука, державшаяся за решетку (и усеянная подживающими царапинами), маленькая и пухлая, отличалась бы замечательной белизной, если б ее отмыть от тюремной грязи.

Другой узник лежал на каменном полу, закрывшись грубым коричневым пальто.

— Вставай, боров! — проворчал первый. — Не смей спать, когда я голоден.

— Мне все равно, господин, — ответил боров покорным и довольно веселым тоном, — могу и спать, могу и не спать, как вздумается. Мне все равно.

Говоря это, он встал, встряхнулся, почесался, накинул пальто на плечи, завязав рукава вокруг шеи (раньше он накрывался им, как одеялом), и уселся на пол, прилонившись к стене.

— Который час? — буркнул первый.

7

— Через сорок минут пробьет двенадцать. —

Говоря это, узник на минуту приостановился и оглядел тюрьму, точно она могла сообщить ему о времени.

— Ты, ходячий хронометр, как ты узнаешь время?

— Почему я знаю? Но мне всегда известно, который час и где я нахожусь. Меня привезли сюда ночью на лодке, но я знаю, где я. Вот посмотрите! Вот Марсельская гавань. — Он привстал на колени и стал чертить по полу своим загорелым пальцем. — Вот Тулон (там галеры), вот здесь Испания, а здесь будет Алжир. Теперь налево — Ницца. Еще левее — Генуя, Генуэзский мол и гавань. Карантин. Здесь город, террасы, заросшие белладонной. Здесь Портофино. Пересадка на Ливорно. Дальше — на Чивитавеккья. Дальше... тут нет места для Неаполя... — Он дошел до стены. — Все равно он там.

Он стоял на коленях, поглядывая на своего товарища по заключению веселыми для тюрьмы глазами. Это был загорелый, живой, юркий, хотя немного полноватый человек: серьги в бурых ушах; белые зубы, сверкающие на смешном буром лице; черные как смоль волосы, спускавшиеся кудрями на бурую шею; рваная красная рубашка, расстегнутая на бурой груди; просторные матросские штаны, приличные башмаки, красная шапка, красный кушак, а за кушаком — нож.

— Теперь я отправлюсь из Неаполя тем же путем. Замечайте, господин! Чивитавеккья, Ливорно, Портофино, Генуя, затем Ницца (вот она), Марсель, вы и я. Комната тюремщика вот здесь; где мой большой палец — ключи; а тут, у моего запястья, — национальная бритва — гильотина.

Другой узник внезапно плюнул на пол, и в глотке его точно забулькало что-то.

Немного погодя где-то внизу щелкнул замок и хлопнула дверь. Чьи-то медленные шаги раздались на лестнице; щебетанье нежного детского голоска сливалось

8 с этим шумом. Появился тюремщик с корзиной, неся на руках трех-четырёхлетнюю девочку, свою дочку.

— Как дела, господа? Изволите видеть, моя дочка вздумала поглядеть на отцовских птиц. Ну что ж, посмотрите на птиц, милая, посмотрите!

Он сам пытливо всматривался в этих птиц, особенно в меньшую, которая, по-видимому, внушала ему недоверие своей живостью.

— Я принес вам ваш хлеб, синьор Жан Батист, — сказал он (они все говорили по-французски, хотя маленький узник был итальянец), — и, знаете, посоветовал бы вам не играть.

— Вы, однако, не советуете этому господину? — сказал Жан Батист, улыбаясь и оскаливая зубы.

— Да господин-то выигрывает, — возразил тюремщик, бросив далеко не дружелюбный взгляд на другого узника, — а вы проигрываете. Это большая разница. На вашу долю достается черствый хлеб, а ему — лионская колбаса, телятина в желе, белый хлеб, сыр, хорошее вино. Посмотри на птиц, милочка!

— Бедные птицы! — сказал ребенок.

Хорошенькое личико, озаренное божественным состраданием и робко заглядывавшее за решетку, казалось ликом ангела, сошедшего в темницу. Жан Батист встал и подошел поближе, точно притягиваемый неотразимой силой. Другая птица не тронулась с места — только нетерпеливо поглядывала на корзину.

— Ну, — сказал тюремщик, сажая девочку на подоконник, — она будет кормить птиц. Этот большой круглый хлеб — для синьора Жана Батиста. Надо его переломить, иначе он не пролезет сквозь решетку. Вот так ручная птица, целует руку девочке! Эта колбаса, завернутая в виноградный лист, — господину Риго. Эта телятина в душистом желе — господину Риго. И эти три ломтика белого хлеба — господину Риго. И этот сыр, и это вино, и этот табак, — все господину Риго. Счастливая птица!

яства сквозь решетку в мягкую пухлую изящную руку, не раз отдернув свою собственную и поглядывая на узника, нахмутив лобик, с выражением не то боязни, не то гнева. Но девочка доверчиво вложила ломоть хлеба в смуглую шершавую руку Жана Батиста, с узловатыми пальцами (из ногтей которых вряд ли набралось бы достаточно материала для одного ногтя господина Риго), и когда заключенный поцеловал ее ручку, ласково погладила его лицо. Г-н Риго, ничуть не обидевшись этим различием в обращении, умастил отца смехом, а дочери кивал всякий раз, когда она подавала ему что-нибудь. Получив свой обед, он устроился поудобнее на окне и немедленно с аппетитом принялся за еду.

Когда г-н Риго смеялся, в лице его происходила замечательная, но не особенно приятная перемена. Усы поднимались, а нос опускался самым зловещим образом.

— Вот, — сказал тюремщик, перевертывая и вытряхивая корзину, — я истратил все деньги, которые получил; здесь и счет, это дело кончено. Господин Риго! Президент намерен насладиться беседой с вами сегодня в час пополудни.

— Судить меня, а? — спросил Риго, остановившись с ножом в руке и куском во рту.

— Именно. Судить.

— А мне ничего не скажете новенького? — сказал Жан Батист, принявшийся было с удовольствием упивать свой хлеб.

Тюремщик пожал плечами.

— Мать божья! Неужели же мне тут век вековать, отец родной?

— А я почем знаю! — крикнул тюремщик, поворачиваясь к нему с чисто южной живостью и жестикулируя обеими руками и всеми пальцами, точно собираясь разорвать его в клочки. — Дружище, разве я могу сказать, сколько времени вы здесь просидите? Разве я знаю